

RU

## Фразеологические единицы как компонент идиостиля Музафера Дзасохова

Кудзоева А. Ф.

**Аннотация.** Цель исследования - выявление особенностей лексической структуры романа одного из крупнейших современных осетинских писателей Музафера Дзасохова «Нижний Ир». В работе проанализированы использованные автором фразеологические единицы, предпринята попытка доказать, что данные языковые единицы являются регулятивным средством, максимально полно и образно реализующим авторские интенции. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые с точки зрения коммуникативной стилистики рассматривается один из компонентов идиостиля М. Дзасохова. В результате рассмотрены прагматические и коммуникативные функции фразеологических единиц в романе, определено их место в идиостиле автора.

EN

## Phraseological Units as Component of Muzafer Dzasokhov's Individual Style

Kudzoeva A. F.

**Abstract.** The paper aims to reveal peculiarities of lexical structure of the novel "Nizhny Ir (Lower Ir)" by the prominent Ossetian writer of the XX-XXI centuries Muzafer Dzasokhov. The article analyses phraseological units usage in the writer's work and justifies the thesis that these linguistic units serve as a means to fully realize the author's intentions. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher for the first time analyses a component of M. Dzasokhov's individual style from the viewpoint of communicative stylistics. The research findings are as follows: the author reveals pragmatic and communicative functions of phraseological units in the novel, determines their role in realization of the author's individual style.

### Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявления доминантных компонентов идиостиля автора, язык и стиль произведений которого отчетливо отображают процессы, происходящие в художественном стиле современного осетинского языка. Понимая сущность идиостиля писателя как особую форму коммуникации, общения творческой личности с читателем посредством созданного им художественного текста, становится совершенно ясным тот факт, что в рамках анализа идиостиля того или иного писателя необходимо обратить внимание на то, какие именно языковые средства он выбирает и как именно использует для реализации тех или иных интенций. Иными словами, выявить «используемые отдельным писателем (поэтом) социально осознанные средства и способы текстовой деятельности и их индивидуальные модификации» [16, с. 95]. Именно социально осознанных, так как автор, во-первых, всегда ориентируется на определенного адресата и, во-вторых, в соответствии с этим выбирает регулятивные средства и структуры в рамках характерных для его творческой личности коммуникативных и регулятивных тактик и стратегий [3; 5]. Таким образом, особенности идиостиля писателя находят свое отражение как в стилистике создаваемого им текста, так и в способах его лексического структурирования, выборе лексических регулятивов.

Объектом исследования является текст романа современного осетинского писателя Музафера Дзасохова «Нижний Ир» [9]. Материалом анализа послужили более двухсот фразеологических единиц, извлеченных из текста методом сплошной выборки. Для достижения обозначенной выше цели необходимо было решить следующие задачи: определить частотность употребления разных видов фразеологических единиц; проанализировать особенности их употребления автором; очертить круг функций, выполняемых ими в романе; обосновать утверждение о том, что фразеологические единицы являются регулятивным средством и важной частью индивидуального стиля писателя.

Для определения места фразеологических единиц в идиостиле писателя были использованы методы количественных подсчетов, семантико-стилистического анализа, интроспекции, моделирования.

Теоретической базой исследования, наряду с работами Н. С. Болотновой [4; 5], А. В. Болотнова [3; 4], Г. А. Золотовой [10], в которых рассматриваются проблемы коммуникативной стилистики текста, послужили труды Г. Л. Пермякова [13; 14], В. М. Савицкого [15], Н. М. Шанского [17], Л. Б. Моргоевой [12], посвященные разноаспектному анализу устойчивых единиц языка.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в учебно-методической деятельности – при создании учебников и учебных пособий по стилистике осетинского языка, результаты работы могут послужить основой для исследования доминантных компонентов идиостиля других осетинских писателей.

### Типы фразеологических единиц в романе М. Дзасохова «Нижний Ир»

Одним из наиболее ярких регулятивных средств, обладающих высоким коммуникативным эффектом, способных многократно усилить эстетическое воздействие на читателя, являются фразеологизмы. В прозе Музафера Дзасохова, крупного современного осетинского писателя, фразеологизмы составляют значимую часть лексической структуры. Количество и тематика данных единиц свидетельствуют о самоидентификации автора как неотъемлемой части осетинского этноса и в то же время позволяют ему в полной мере осуществлять коммуникативные намерения.

Как известно, в современной лингвистической науке нет единой точки зрения относительно объема и границ фразеологии. Существуют так называемые «широкое» и «узкое» понимания того, что считать фразеологизмом. Приверженцы первой точки зрения включают в состав фраземики все устойчивые сочетания слов, в том числе единицы больше словосочетания: «Отнесение тех или иных образований к фразеологическим явлениям или, напротив, выведение их за пределы фразеологических оборотов обуславливается не тем, номинативные это единицы или коммуникативные, а тем, привлекаются они из памяти целиком или творятся в процессе общения» [17, с. 3]. Другие ученые, в частности В. В. Виноградов и его последователи, полагают, что фразема – это только определенная группа устойчивых словосочетаний. На наш взгляд, промежуточную точку зрения занимает Н. Ф. Алефиренко: «...единицей фразеологии выступает фразема – устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов» [2, с. 15], относя, однако, к фразеологии, помимо традиционных фразеологических сращений, единств и выражений также и речевые формулы – «междометные фраземы, представляющие собой формулы социального этикета» [Там же, с. 37]. За пределы фраземики ученый выносит «паремии (пословично-поговорочные речения), устойчивые номенклатурные наименования, терминологические сочетания, крылатые слова и афоризмы» [Там же].

В современном осетинском языкознании превалирует узкое понимание фразеологии, при этом к паремиям отнесены и речевые формулы: «...наша позиция заключается в необходимости разграничения пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений как отдельных видов устойчивых выражений (образований) и как межуровневых и междисциплинарных единиц языка. Вершиной этой пирамиды под названием “устойчивые выражения”, конечно, будут фразеологизмы как единицы, более жестко соблюдающие основные категориальные признаки устойчивости» [12, с. 33]. Сторонником широкого понимания фразеологии является автор «Фразеологического словаря осетинского языка» З. Т. Дзабиев [8].

В данной работе мы придерживаемся широкого понимания фразеологии и под фразеологизмами, фразеологическими единицами (далее – ФЕ) имеем в виду любые устойчивые сочетания слов, которые «извлекаются из памяти целиком», культурно маркированы и направлены на пробуждение определенных образов, идей, эмоций, находящихся в подсознании читателя. В романе М. Дзасохова «Дæллаг Ир» («Нижний Ир») это и собственно фраземы (*Мæ уацхуыдты бын ахæм фыст куы фæзынд, уæд мæ фæсонæрхæддзæ дæр нæ уыд. Бæрæгъуынтæй мыггаг æцæгæйдæр кæй ис.* / «Когда под моей статьей появилась эта подпись, у меня и в углублении между лопатками не было (то есть и в мыслях не было, я и не догадывался), что фамилия Барагунов существует на самом деле» (здесь и далее перевод автора статьи. – А. К.)), и клишированные выражения (*Дæумæ дзурын мæнæг дунейæ æцæг дунемæ: ацы чиныгæй дæ ном ардзынæн, зæгъгæ, дын зæрдæ куы бавæрдтон, уæд кæдæм батагъд кодтай? / «К тебе обращаюсь из ложного мира в истинный мир (то есть с этого света на тот свет. – А. К.): я же обещал, что эту книгу посвящу тебе, так куда же ты поторопилась?»), и поговорки (*Йæ алы уæндзæ алы 'гъдау ис, зæгъгæ, кæмæй фæзæгъгынц, ахæм лæг уыди.* / «Он был таким человеком, о котором говорят, что у него в каждой части тела своё достоинство»), и пословицы (*Дзæгъгæлы нæ фæзæгъгынц, куырис сыгъди æмæ йыл бæттæн худти.* / «Не зря говорят, сноп горел, а веревка смеялась над ним»), и благопожелания – ритуальные формулы (*Фæг рæвдыдæй нæ цæуы йе 'цæг дунемæ, фæлæ йын Барастыры цæст фылдæр бауарзæд, хæрзудты æхсæн уæд йæ бынат!* / «Недостаточно обласканной уходит в свой истинный мир (то есть в загробный мир. – А. К.), но пусть Барастыр (владыка загробного мира. – А. К.) окажется благосклонен к ней, среди праведников будет ее место!»), и проклятия (*Амæндтæ уарæг дæлæмæ 'рхауæд!* / «Распределяющий счастье (то есть Всевышний. – А. К.) пусть низринется с небес на землю!») и др.*

Как почти все крупные произведения М. Дзасохова, роман «Нижний Ир» во многом автобиографичен, что объясняет небольшое количество «разговорной стихии» в тексте, однако автору удалось во многом благодаря

использованию ФЕ достичь образности, лиричности, глубокой психологичности. Такая тональность задана с самого начала, уже в посвящении сестре. Небольшой по объему текст посвящения глубоко метафоричен, имеет народно-поэтическую окраску – по сути, это плач-причитание: обращаясь к покойной сестре, лирический герой (автор) дает ей напутствия, учит, как вести себя в загробном мире при встрече с рано умершими родителями и что им говорить, заверяет сестру, что, помня ее, никогда не снимет траур со своего сердца. Это не просто фольклоризированное изображение мира, а социально-типичная позиция, культурно-историческая реальность, в которой живут автор, его герои и читатель.

О некоторой архаичности, даже мифологичности этой реальности свидетельствуют ФЕ с теонимами, преобладающее большинство которых содержит теоним *Хуыцау* (Бог): *Хуыцауы сконд дыууа лæджы куыста – Бæцойты Тегка æмæ Икбаты Цæрай.* / «Созданные Богом (то есть благочестивые, достойные во всех отношениях. – А. К.) два человека работали – Бацоев Тегка и Икаев Царай». *Кæд Хуыцауы фæнда, уæд мыл аст мæйы фæстæ æртиссæдз азы сæххæст уыдзæн.* / «Если Богу будет угодно, то через восемь месяцев мне исполнится шестьдесят лет».

Гораздо меньше в романе ФЕ с теонимами *Барастыр*, *Мыкалгабыртæ*: *Фæг рæвдыдæй нæ цæуы йе 'цæг дунемæ, фæлæ йын Барастыры цæст фылдæр бауарзæд, хæрзудты æхсæн уæд йæ бынат!* / «Недостаточно обласканной уходит в свой истинный мир, но пусть Барастыр окажется благосклонен к ней (букв. глаз Барастыра захочет для нее. – А. К.), среди праведников будет ее место!»; *Ныронг дæр, æвæццæгæн, мæ Хуыцауæй рох фæдæн, Барастыры минæвар мæм дæггæл хуымæтæджы афтæ æрæгмæ æнæзынгæ нæ уыди.* / «Я уже и сейчас, наверно, забыт своим Богом, не зря так долго не приходил ко мне посланник Барастыра (то есть смерть. – А. К.)»; *Фынгтыл цы уыди, уыдоны кой кæнынæн бирæ рæстæг хæуы, фæлтау цыбырдæрæй зæгъдзынæн: фараст æмæ дыууссæдз Мыкалгабыры сæ къæбицты фæсте ниццуал ныуагътой.* / «Слишком долго рассказывать о том, что было на столах, лучше скажу коротко: сорок девять Мыкалгабыров ничего не оставили в своих кладовых».

Из 62 случаев употребления ФЕ с теонимами в романе «Нижний Ир» в 50 содержится слово *Хуыцау* (Бог), в одном случае оно заменено синонимом *Уæллаг* (Всевышний, букв. Верхний): *Уæллаг ын цы ныв скæрды, уый аргæнтæй ахизæн ын нæ вæййы...* / «Невозможно бывает выйти за границы того, что предназначал ему (то есть человеку. – А. К.) Всевышний...». Количественный и качественный состав этих ФЕ, объединяющих религиозную и языковую картины мира осетинского народа, свидетельствует о некоторой неоднозначности отношения к стержневому образу традиционной осетинской религии (впрочем, как и любой монотеистической религии), транслируемой автором посредством созданного им текста через призму собственного миропонимания и мироощущения. «Картина мира не есть простой набор “фотографий” предметов, процессов, свойств и т.д., ибо включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты. Более того, поскольку отражение мира человеком не пассивное, а деятельностное, отношение к объектам не только порождается этими объектами, но и способно изменить их (через деятельность)» [11, с. 67]. В картине мира осетин Бог – главенствующая, могущественная сила, создатель всего и вся, предопределяющий судьбу каждого человека, знающий то, что непостижимо для человека: *Хъуыдытæ æмæ уынаффæтæ кæрæдзимæ цас фæбыцæу кодтой – Хуыцау йæ зонæг.* / «Мысли и решения сколько спорили друг с другом – Бог знает». *Хуыцау хорз æмæ дзы нукуы ничи рахауд.* / «Слава Богу (букв. Бог хорош, то есть милостив. – А. К.), что никто никогда оттуда не упал». *Хъуыддæгтæ аразæг Хуыцау у.* / «Вершителем дел является Бог».

Однако в сознании осетин Бог не противопоставлен человеку как совершенное ничтожному. Отношения Бога и человека – это своего рода отношения почитаемого старшего и послушного младшего, поэтому богобоязненность – это, скорее, стыд за несправедные поступки. Поэтому речевая формула «побойся Бога» в осетинском языке имеет форму *Дæ Хуыцаумæ скæс.* / «Взгляни на своего Бога» (то есть обрати взор к Богу, вспомни о Нем и устыдись. – А. К.). Более того, Бог в осетинском этноязыковом, этнокультурном сознании является своего рода гарантом и безукоризненным приверженцем национально-культурных ценностей. Так, в осетинском доме святой долг хозяина – оберегать гостя от всех неприятностей и бед, даже ценой собственной жизни. Такое же свойство (быть в ответе за того, кто находится под твоим покровительством) приписывается Богу: *Гагудзы фырт Хуыцауы уазæг уæд.* / «Сын Гагудза да будет храним Богом» (букв. да будет гостем Бога. – А. К.).

### Функции фразеологических единиц в романе «Нижний Ир»

ФЕ с компонентами-теонимами выполняют в романе М. Дзасохова двоякую функцию: вызывают из сознания читателя определенные реалии национальной культуры и позволяют автору в краткой, эмоциональной форме реализовывать свои интенции.

Гораздо больше в романе ФЕ с компонентами *цард* «жизнь», *зæрдæ* «сердце», *хур* «солнце», *уд* «душа»: *Тотырадз æй Муссæйæн нал ратдзæн, уый куы базыдта, уæд ын цард ад нал кодта æмæ йæхи амардта.* / «Когда она поняла, что Тотрадз не выдаст ее за Муссу, то жизнь опостылела ей (букв. больше не имела для нее вкуса) и она покончила с собой». *Мæ зæрдæ сын зæгъы, цæмæй ма бирæ азы хистæры ном æнæниз æмæ зæрдæрухсæй фæхæссой.* / «Я им желаю, чтоб много лет еще они носили имя старших (т.е. были старшими) здоровыми и жизнерадостными». *Цас фылдæр рæстæг цæуы, уыйбæрц тынгдæр тыхсын, мæ уд æрдуйæ нарæгдæр сси.* / «Чем больше проходило времени, тем сильнее я переживал, душа моя стала тоньше волоска». *«Уасæджы хæс ныууасын у, хур кæд скæсдзæн, уый та хуры хъуыддаг у.»* / «Дело петуха – запеть, а когда встанет солнце, это дело солнца» и др.

Их включенность в ассоциативно-семантическую ткань текста во многом обусловлена особенностями романа как автобиографического произведения. Рассуждая о сегодняшней жизни, поднимая проблемы, близкие современному читателю, автор постоянно оглядывается назад, в свое детство и юность, выводит на сцену представителей уже ушедших поколений, описывает тяготы и радости их жизни, раскрывает читателю их самые лучшие качества – доброту, душевную щедрость и чистоту.

Сосредоточенность автора на внутренней красоте человека обуславливает высокую частотность ФЕ с компонентом *зæрдæ* «сердце»: *Дæ хорз зæрдæйыл куы уыдтæ, уæд-иу сæм цы цæстæй кастæ, ууыл дæ кæух мæрдты дæр ма сис.* / «Как ты относилась ко мне, будучи в хорошем расположении духа (букв. была при хорошем сердце), так не изменяй этого отношения и в загробном мире». *Нæ сыхаг хæсты размæ уыдис, фæлæ, Сындыхъæумæ чындзы куы ацъид, уый фæстæ дæр хъæубæстыл йæ зæрдæ нæ аивта.* / «Она была нашей соседкой до войны, но и после того как вышла замуж в Синдзикау, не охладела к родному селу (букв. не изменила своего сердца)». «Идеосемантика осетинского *зæрдæ* поистине необъятна. Она выходит далеко за пределы анатомии и физиологии и включает также психическую сферу – все, что, скажем, в русском обозначается словом “душа”: не только разнообразные эмоциональные, но даже интеллектуальные состояния и проявления, сознание, память» [1, с. 300].

Собственно фразеологизмам (фраземам) в романе М. Дзасохова «Нижний Ир» присущи следующие функции (за основу взята классификация функций фразеологических средств языка В. М. Савицкого [15]): 1) идентифицирующая: *Уыцы рæстæджы, кæмæн куыд йæ кæух амьдта, афтæ арæзта рæстæгмæ цæргæн бынæттæ.* / «В то время кто как мог (букв. у кого как указывала рука) строил временные жилища»; 2) дефиниционная: *Йæ алы уæнджы алы 'гъдау ис, зæгъгæ, кæмæй фæзæгъынц, ахæм лæг уыди.* / «Он был таким человеком, про которого говорят, что в каждом члене, в каждой части его тела заключено своё достоинство»; 3) выразительная: *Бæсты бикъ-комы дæгъæл куы фестай, уæддæр дын дæ ныхыфыст æнæвзаргæ нæй.* / «Даже превратись ты в пуп земли – ключ от ушеля, все равно суждено тебе испытать то, что предназначено»; *Цас фæцардаиккой, уый Хуыцау йæддæмæ чи зоны, фæлæ мæ фыдæн хæсты быдыры йæ зынг куы ахуыссыд, уæд ыл дыууиссæдз азы дæр нæма цъид.* / «Кто, кроме Бога, знает, сколько бы они прожили, но моему отцу не было и сорока лет, когда на поле войны угасла его искра (т.е. когда он погиб. – А. К.)»; 4) изобразительная: *Уазал цæстæй сæм æрмæст разамонæг куджытæ, стыр кæлæгтджынтыл бадджытæ нæ кастысты, фæлæ адæмæн сæ фылдæр.* / «Холодно к ним относились (букв. холодным глазом на них смотрели) не только руководители, сидящие в больших креслах, но и большинство людей»; 5) экспрессивная: *Мæнæн-иу æхсызгон кæм уыдаид, афтæ сæрыстыр кæмæй уыдæн, мæ уыцы райгуырагн хъæу гуырд у æви гуыринаг у, уый дæр чи нæ зоны, зæххыл ма ахæмтæ дæр кæй ис, ууыл баууæндын, фæлæ-иу, мæхиуыл ныххæцгæйæ, дарддæр дзуапп лæгæрдтон.* / «Как мне могло быть приятно поверить в то, что на земле есть еще и такие, кто не знает о существовании моего родного села (букв. не знает, родилось оно или только должно родиться. – А. К.), которым я был так горд»; 6) эмотивно-оценочная: *Райæ уыцы гыццылæй дæр фырсаæрæнæй цæстытæ къахта.* / «Рая и в детстве была очень расторопной (букв. от избытка расторопности выкалывала глаза. – А. К.)»; 7) функция сентенциозной оценки: *Кафæг лæппу хæдзар нæ дары, зæгъгæ, ахæм æмбисонд дæр ис ирон адæмæ.* / «У осетин есть и такая пословица, мол, парень-танцор не содержит дом».

ФЕ – как собственно фраземы, так и паремии – ярко, образно и в то же время кратко, лаконично и точно доносят до читателя мысль писателя, устанавливают между участниками своеобразного диалога особую связь, создают атмосферу глубоко доверительных отношений, когда коммуниканты находятся на одной психологической и эмоциональной волне, так как сама суть значений фразеологических единиц «тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке» [11, с. 67].

Во многом благодаря использованию ФЕ язык романа очень органичен, естествен. Несмотря на относительно небольшое количество диалогов, выбор лексических средств, в частности фразем и паремий, создает впечатление наличия большого количества персонажей, «реконструировать» значительный отрезок истории жизни народа с года основания родного села писателя по настоящее время. Это обусловлено тем, что ФЕ обладают значительным коммуникативно-когнитивным потенциалом, то есть способностью отражать в процессе коммуникации содержащуюся в них «культурную память социума (о менталитете, традициях, духовной культуре), проявляющуюся в информативных и прагматических возможностях слова» [4, с. 51-52].

Еще больше информации о языковой картине мира этноса содержат паремии. «По существу, каждый национальный пословичный фонд, а также международный пословичный фонд в целом являет собой не случайный набор более или менее удачных высказываний, а сложную и стройную логическую систему, основанную на выработанных веками и даже тысячелетиями правилах и приемах обыденного мышления», – пишет Г. Л. Пермяков [14, с. 4].

Анализ пословиц, поговорок, речевых штампов, проклятий, благопожеланий, органично вплетенных в лексическую ткань романа М. Дзасохова, позволяет выделить в качестве основных следующие прагматические функции: моделирующую, поучительную, прогностическую, магическую (по типологии Г. Л. Пермякова [13, с. 88-89]).

Практически все ФЕ являются словесной моделью той или иной коммуникативной ситуации, то есть реализуют моделирующую функцию: *Дзæгъæлы нæ фæзæгъыны: «Мæгуыр амæлæг, чи цæра, уый та йæхицæн амæлттæ кæндæн».* / «Не зря говорят: “Бедный тот, кто умер, а кто будет жить, тот найдет средства к существованию”». Писатель согласен с народной философией, утверждающей торжество жизни над смертью: как бы ни была тяжела жизнь, она неизмеримо лучше и легче смерти, она дает силу и надежду любому, в чьей груди бьется сердце. В самой, казалось бы, безысходной ситуации эта поговорка внушает человеку оптимизм: ты жив, значит,

найдешь способ жить дальше. *Тæригъæд, дам, авд фæлтæры хæссы.* / «Грех, говорят, на семи поколениях отражается». Поговорка не только презентует ситуацию (совершенный тобой грех простирается на семь поколений твоих потомков), но и выполняет функцию сентенциозной оценки, имеет ярко выраженный поучительный характер. Осетины всегда как бы живут в трех измерениях: они высоко чтут память предков, ясно ощущают свою связь с ними, считают себя продолжением рода и заботятся о том, чтобы оставить после себя хороший след, жить так, чтоб ими, в свою очередь, гордились потомки. Самым большим богатством осетины считают хорошее потомство, достойных младших, поэтому навлекать своим недостойным поступком беду на потомков считается страшным горем.

С этой ФЕ переключается благопожелание *дæ кæстæрты зындзинад макуы фен* «да не увидишь тебе никогда горя твоих младших» (то есть чтоб твои младшие, твои потомки были счастливы, и оттого был счастлив ты. – А. К.): *Канд дæхи кæстæртæ нæ, фæлæ æппæт хъæуы кæстæртæй иуы зындзинад дæр ма фен, афтæмæй сæ уæле бирæ азты кадджын æмæ зæрдæрухсæй фæбад.* / «Не только своих младших, но и младших всего села чтоб не увидел горя, и так много лет в почете и радости будь старшим».

Вспоминая усопших, осетины обязательно произносят ритуальные формулы – своего рода благопожелания, аналогичные русскому «царствия небесного». Однако в традиционном мышлении осетин загробное царство, состоящее из рая (*дзæнæт*) и ада (*зындон*), находится не на небесах (где обитают только Бог и созданные им ангелы), а в каком-то другом измерении. Находящиеся в раю – праведники – обладают определенной силой, могут покровительствовать живым, поэтому их часто просят о заступничестве, о помощи. Потому М. Дзасохов, говоря об ушедших в мир иной односельчанах, в полном соответствии с национальной культурой, добиваясь соотнесения в сознании читателей с определенными ситуациями и эмоциями, выражает свои мысли и чувства посредством принятых ритуальных фраз: *Мæ хъæукæгтæй æгас чи нал у, уйдон иууылдæр – никæй дзы хъулон кæнын – дзæнæты бадæнт. Мæрдты сызгъæрин талатæ суадзæнт!* / «Все те из моих односельчан, кого уже нет в живых – никого из них не обделяю, – пусть пребывают в раю. Из загробного мира пусть прорастут золотыми всходами!».

Очень эффективно использует автор ФЕ *номы куывд скæнын* «устроить кувд (пир, ритуальное пиршество. – А. К.) имени». Он связан с интересной традицией: для того, чтобы сменить имя, данное при рождении, а в некоторых случаях и фамилию, осетины устраивали специальное застолье, пир и возносили молитвы, чтоб новое имя принесло счастье самому именуемому и всем его потомкам. *Ссардтой, кулачы ном куывд скæныны фæстæ дæр кæуыл не сбадтаид, ахæмты æмæ съл æй лæгдыхæй ныххуырстой.* / «Нашли тех, к кому имя кулака и после специально устроенного кувда не приклеится, и насильно обозвали их кулаками». В романе речь идет о послереволюционном периоде, когда некоторые не в меру ретивые начальники за неимением настоящих кулаков «раскулачивали» бедняков. Автор ярким штрихом, всего одним фразеологизмом, понятным его читателю и вызывающим в его сознании определенную жизненную ситуацию, доносит до него весь трагизм ситуации.

Судьба писателя тесно переплетена с судьбами его современников, органично вплетена в полотно эпохи, полной драматизма, порой трагизма (война, гибель родителей, годы сиротства) и все же счастливой, в которой были молодость, любовь, искренняя дружба, чистота помыслов, трепетное отношение к настоящим человеческим ценностям. М. Дзасохов плоть от плоти, кровь от крови своего народа, поэтому так часто облекает свои выводы в форму пословиц и поговорок: *Фыдæлтæ хуымæтæджы нæ дзырдтой: мæсыг сусæггæй цасфæнды куы фæцамайай, уæддæр иу заман йæ цзуппæн æнæсзынгæ нæй.* / «Предки не зря говорили: сколько бы ты тайно не строил башню, невозможно сделать так, чтоб однажды не обнаружилась ее верхушка». Здесь особо наглядно проявляется текстообразующая роль ФЕ, придающих произведению особый эпический оттенок, подчеркивающих неразрывную связь поколений, которую обеспечивают одни и те же нравственные ценности.

Еще одна яркая характеристика ценностной системы народа заключена в проклятии *Фæсмон фæкæн!* / «Сожалей!» (то есть живи, сожалей о каком-либо своем поступке). Высоко ценя душевное спокойствие, внутреннюю гармонию, достигаемую только праведной, безгрешной жизнью, осетины считают муки совести тяжким испытанием, настоящим проклятием, хотя и несоизмеримым по эмоциональному накалу и концентрации «магической силы» с проклятиями – пожеланиями смерти. Разумеется, мать – вдова, одна тяжким трудом поднимающая троих сирот, не может желать смерти, увечья и подобного своим детям – «их прагматическая направленность строго мотивирована целевой установкой» [12, с. 58]. В минуты гнева, вызванного непослушанием, не слишком благовидным поступком своего ребенка, мать изливает свои эмоции в имеющем огромный поучительный потенциал проклятии: *Куы смæсты – мæсты тынг стæммæ кодта – уæд ын-иу йæ маст æппæты тынгдæр ахæм дзырдтæ ссæуын кодтой: «Фæсмон фæкæн!»* / «Когда она сердилась – а сердилась крайне редко, – то злость ее лучше всего выплескивалась в таких словах: “Чтоб ты сожалел!”». Одним предложением, в ткань которого органично вплетена ФЕ, М. Дзасохов создает образ матери – мягкой и ласковой, но все же иногда доходящей до отчаяния тяжелой жизнью и даже проклятием воспитывающей своих детей, дающей им напутствие, предостерегающей от поступков, из-за которых они могут долго терзаться муками совести.

Выше, анализируя ФЕ с компонентами-теонимами, мы уже указывали на особые отношения человека и Бога, Создателя всего и вся. Твердо веря в способность человека своими руками устраивать свою жизнь, осетины все же считают, что счастливая или несчастливая судьба каждого предопределена Богом. В минуты высокого эмоционального подъема, испытывая негативные эмоции, человек может возмутиться несправедливым, с его точки зрения, «распределением» судеб и обратиться свои проклятия к Богу. Чаще всего такие проклятия произносят женщины. В романе М. Дзасохова доведенная до отчаяния мать прокликает Всевышнего – «распределяющего счастье»: *Амæндтæ уарæг дæлæмæ 'рхауæд!* / «Распределяющий счастье чтоб низвергся вниз!».

Моделирующая функция паремий неразрывно связана с другой – поучительной. Создавая словесную модель коммуникативной ситуации, эти ФЕ в то же время явно или иносказательно предлагают единственно верную модель поведения, предостерегают от неверного шага, обучают чему-то важному. Сентенциозность, поучительность делают их характерными для определенной группы персонажей: это мать и другие представители старшего поколения в той части романа, где автор описывает свое детство и годы юности, а также сам автор в своих рассуждениях: *Мæ мад мын-иу афтæ загъта: «Дæ зивæджы дæ маглæт ис»*. / «Моя мать говорила мне: “В твоей лени твоя смерть”». Поучительный, воспитывающий потенциал такой ФЕ гораздо выше, чем у долгих нравовучений о вреде лени и пользе трудолюбия. Лексическая и грамматическая структуры предложения выстроены таким образом, что в сознании читателя вырисовывается целая картина: частица многократности действия «-иу» подчеркивает, что матери часто приходилось говорить сыну о его лени; добавляется штрих к образу лирического героя – в детстве он был не слишком трудолюбив, раскрывается одна из граней характера матери – мягкая, любящая, которая, даже попрекая, поучает сына, наставляет его на правильный путь, предостерегает от нехороших последствий, к которым может привести эта черта характера.

Одним из основных достоинств человека в осетинской этнокультуре считается воздержанность, умеренность во всем. Этот принцип транслирует писатель, рассуждая о ценностях жизни. *«Æгæр» бирæйæ дæр нæ бæззы æмæ гыццылæй дæр*. / «“Слишком” не годится и когда много, и когда мало». Не надо стремиться иметь очень много, ибо человек не вечен; не надо удовлетворяться слишком малым, ибо это говорит о физической и умственной лени человека.

### Особенности употребления фразеологических единиц М. Дзасоховым

В романе есть несколько ФЕ, с содержанием которых автор не согласен. Для выражения собственной точки зрения М. Дзасохов подвергает ФЕ различного рода трансформациям. Под трансформацией мы понимаем «любое отклонение от общепринятой нормы, закрепленной в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [6, с. 78]. Обычно это реакция автора на ситуацию, идущую вразрез с мыслью, заключенной в ФЕ. Отрицание содержания выражено не прямо, а опосредованно, конструкцией *æмæ, дам* «а говорят, что», «а разве». *Æмæ, дам, зынджын стæлфаг нæу, стæй, дам, къæрныхы сæрыл зынг нæ судзы*. / «А разве обжигающийся огнем не вздрагивает, а еще, разве на голове вора не горит огонь». Обе пословицы утверждают, что невозможно скрыть проступок (*зынджын стæлфаг* «обжигающийся огнем вздрагивает»; *къæрныхы сæрыл зынг судзы* «на голове вора горит огонь» [7, с. 252]), в то время как описанная в тесте ситуация приводит автора к противоположному мнению.

Однако в большинстве случаев М. Дзасохов резюмирует или начинает свои рассуждения с ФЕ. Чаще всего в качестве аргумента, подтверждающего правильность содержащейся в пословице или поговорке мысли, автором используется отсылка к предкам, сделавшим тот или иной вывод, который по умолчанию не может быть неверным: *Фыдæлтæ-иу афтæ дзырдтой, мард, дам, рухсаг æггынæй не ’фсæды*. / «Предки говорили, что покойник не может пресытиться пожеланиями царствия небесного». Таким образом, писатель объясняет частые обращения к прошлому, к образам людей, давно отошедшим в мир иной, и то, какими ритуальными формулами предваряются или сопровождаются эти обращения: вспоминая покойника, непременно нужно пожелать ему пребывания в свете, то есть в раю.

В романе есть и ФЕ, основную функцию которых мы определили как прогностическую, заключающуюся в предсказании будущего. По нашему мнению, такая типология функций достаточно условна, так как подавляющее большинство пословиц и поговорок с основной моделирующей или поучительной функцией также содержат элемент прогнозирования: поступай так, иначе будет вот что; не поступай так, иначе получишь вот что. Тем не менее одну из функций можно выделить в качестве основной. ФЕ прогнозирующего характера, как правило, имеют определенную грамматическую структуру – содержат глаголы будущего времени или глагольные сочетания со значением «не может не быть»: *Авдæны гуыпп-гуыпп кæм райхуысы, уым чырынæн дæр æнæуæвгæ нæй*. / «Там, где раздастся стук покачиваемой люльки, не может не быть и гроба». Интересна ситуация употребления этой ФЕ – в начале романа, где автор рассказывает историю основания своего родного села переселенцами с гор. На выделенном для них месте люди строили дома, сначала временные жилища, потом уже постоянные, в соответствии со своими возможностями. Исподволь подводя читателя к мысли о том, что земная жизнь человека ограничена, поэтому наряду с домами для живущих переселенцам нужно было обустраивать и кладбище для будущих покойников, автор прибегает к народной мудрости.

Много в романе и других ФЕ с этой функцией, регламентирующих поведение в той или иной ситуации, оперирующих менее глобальными категориями, чем жизнь и смерть. Вообще М. Дзасохову свойственно подкреплять свои рассуждения ФЕ – средоточием народной мудрости. *Кæй уæрдонь бадай, уый зарæг куы нæ кæнай, уæд дæ, иуæй, æмбаргæ æмæ уарзгæ нæ бакæндзысты, иннæмæй та дæ, чи зоны, хизын дæр ракæной*. / «Если не будешь петь песню того, в чьей арбе сидишь, то тебя, во-первых, не поймут и не полюбят, а во-вторых, возможно, даже высадят». Так автор подводит читателя к мысли о необходимости знать язык народа, среди которого живешь, об огромной ценности любого языка, об объединяющей силе языка.

Магическая функция присуща не всем ФЕ, а относящимся к особому жанру – проклятиям, благопожеланиям, тостам-молитвам, клятвам, некоторым видам речевых формул. Их отличительной особенностью является то, что произносящий их человек как бы навязывает природе, высшей силе (Богу) или человеку свое

желание, свою волю. Они всегда строго ориентированы на конкретного адресата. В тексте романа эти «заклинания» представлены в основном в монологах автора – лирического героя; это благопожелания, адресованные ныне здравствующим односельчанам, ритуальные формулы со значением пребывания в раю вплетены в воспоминания и рассуждения об усопших. К примеру, каждое предложение содержит традиционную формулу благопожелания в отрывке, где автор обращается к незнакомому ему человеку, родившемуся первым в основанном переселенцами селе. *Кæд æгас дæ, уæд дыл цыппæрдæс æмæ æртиссæдз азæй фылдæр нæма цæуы, æмæ дын Хуыцау цы бонтæ снывонд кодта, уыдон амонджын æмæ зæрдæрухсæй батон! Канд дæхи кæстæртæ нæ, фæлæ æппæт хъæуы кæстæртæй цуы зындзинад дæр ма фен, афтæмæй сæ уæле бирæ азты кадджын æмæ зæрдæрухсæй фæбад.* / «Если ты жив, то тебе не больше семидесяти четырех лет, и счастливым и радостным проживи дни, отпущенные тебе Богом! Не только горя твоих младших, но и горя младших всего села чтоб ты не увидел, так много лет еще в почете и радости будь старшим (букв. сиди над ними старшим)!».

Что касается проклятий, то их в романе немного. Строго говоря, здесь нет собственно проклятий с призывами всякого зла на чью-то голову. Одни из них носят шуточный характер: *«Гаситы Мыстæн фæлдыст фæу!»* / «Будь посвящен Мисту Гасиеву!» – говорят земляки автора разозлившему их соседу. Мист Гасиев – первый из переселенцев, который упокоился на новом кладбище, а посвящение живого человека мертвому – ритуал, имеющий большую мистическую силу. Посвященный при жизни как бы должен быть переселен в загробный мир, чтоб прислуживать тому, кому его «посвятили». Однако в устах персонажей романа эта формула выполняет только художественную функцию, произносится для красного словца. Другие проклятия апеллируют к Богу, призывая его не прощать незаслуженной обиды: *Мæ сывæллæтты тæригъæды чи бацыд, мæ рыст цæнгты фæллад чи ницæмæ 'рдардта, уымæн æй Хуыцау ма ныббарæд!..* / «Пусть не простит Бог тому, кто взял на себя грех перед моими детьми, кто не принял во внимание усталость моих натруженных рук!».

Третья группа проклятий (вернее, псевдопроклятий), исходящих от матери автора, чаще всего имеет функцию психологической разрядки, негативно-эмоционального отклика на слова детей и, как правило, содержит игру слов. *Руайгæ бакæн, уый дын «уæй!»* / «Чтоб тебе съежиться, вот тебе “ой”». Междометием *уæй* «ой» отвечают на призыв, оклик. Мать зовет ребенка, отвечающего междометием вместо того, чтобы сразу подойти. Такое поведение недопустимо, мать сердится и отвечает в рифму проклятием. Формула, содержащая рифмующиеся слова, говорит о несерьезности угрозы, о том, что на самом деле говорящий просто отводит душу, как и в следующей ФЕ: *Дæ зонгуытыл фæбыр, кæд æй зонис, уæд!* / «Да ползти тебе на коленях, если знаешь!». Игра слов здесь заключается в созвучии глагола *зонис* «знать» и существительного *зонгуытæ* «колени». Такая фраза – реакция матери на ответ ребенка, что он не знает ответа на заданный ему вопрос.

То, что мать на самом деле не проклинает своих детей, подчеркивается и наличием в некоторых формулах отрицательных частиц и наречий при глаголе в форме императива. По сути это благопожелания, форма которых дает выход гневу: *Къуырма бадаæ, дæ хъусты хæф макуы фæмиза, абондæргы даумæ куы дзурын, уæд кæм зæххы скъуыды ныххаудтæ!* / «Ты оглох, чтоб гной никогда не сочился из твоих ушей, целый день тебя зову, куда же ты сквозь землю провалился!».

В тексте произведения эти и другие ФЕ благодаря своим информативным и прагматическим возможностям апеллируют к культурной памяти народа, заключенной в той или иной мере в сознании читателя – представителя этого народа. Обращаясь к фоновым знаниям о традициях, духовной и материальной культуре и определенным эмоциям, текст утверждает отнесенность коммуникантов к одной культуре.

## Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Эффективность и гармоничность общения М. Дзасохова с его читателем во многом связаны с широким и умелым использованием различного рода ФЕ. Автор достигает коммуникативного эффекта, реализации своих интенций, апеллируя к традиционному морально-этическому кодексу, подчеркивая общность культурно-исторической и морально-нравственной среды коммуникантов.

Можно с уверенностью утверждать, что ФЕ являются регулятивными средствами, обеспечивающими доверительность и естественность общения с читателем.

Значимость этих языковых единиц для авторского стиля М. Дзасохова определяется не только их количеством, частотностью в тексте, то и тем, что чаще всего они употребляются в авторском монологе, формируя категорию авторской модальности, в то же время значительно усиливая эстетическое воздействие текста.

В анализируемом тексте преобладают ФЕ определенной семантики, входящие в тематическую группу «морально-этический кодекс народа». Практически нет ФЕ со значением «внешняя характеристика человека», что свидетельствует о своеобразии авторского мировоззрения и творческого метода, сосредоточенного на внутреннем мире человека не как отдельного индивидуума, противопоставленного социуму, а как органичной части социума, транслирующей в мир все его особенности.

Преобладание в романе ФЕ с положительной коннотацией обусловлено психологическими и мировоззренческими особенностями писателя, а также его коммуникативными целеустановками. Перспективы дальнейшего исследования видятся в необходимости комплексного исследования лексической и лексико-грамматической организации произведений М. Дзасохова как отражения языковой картины мира осетин, нашедшей соответствующие формы выражения.

**Финансирование | Funding**

**RU** Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и МОН РЮО в рамках научного проекта № 20-512-07002, проект «Коммуникативная стилистика современного осетинского художественного текста: проблема идиостиля и лексической структуры».

**EN** The publication is prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Ministry of Education and Science of the Republic of South Ossetia, project № 20-512-07002 “Communicative stylistics of the modern Ossetian literary text: Problems of individual style and lexical structure”.

**Источники | References**

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 5-ти т. Л.: Наука, 1989. Т. IV. 325 с.
2. Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта; Наука, 2009. 344 с.
3. Болотнов А. В. О типологии регулятивных структур в тексте как форме коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. Вып. 10 (138). С. 208-213.
4. Болотнова Н. С. Коммуникативно-когнитивный потенциал слова и его текстовая реализация // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2012. Т. 11. Вып. 9. Филология. С. 51-55.
5. Болотнова Н. С., Болотнов А. В. Когнитивный стиль языковой личности в структуре модели идиостиля: к постановке проблемы // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 187-193.
6. Гусейнова Т. С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: автореф. дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 1997. 88 с.
7. Гутиев К. Ц. Осетинские пословицы и поговорки. Орджоникидзе: Ир, 1976. 352 с.
8. Дзабиев З. Т. Фразеологический словарь осетинского языка. Цхинвал: Полиграфическое производственное объединение РЮО, 2003. 446 с.
9. Дзасохов М. С. Нижний Ир [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.1lib.education/book/3215315/c05fe9> (дата обращения: 15.05.2021).
10. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
11. Маслова В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
12. Моргоева Л. Б. Паремии и речевые формулы осетинского языка: семантический, прагматический и этнолингвистический аспекты. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2015. 162 с.
13. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1988. 236 с.
14. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Главная редакция восточной литературы Издательства «Наука», 1979. 671 с.
15. Савицкий В. М. Основы общей теории идиоматики. М.: Гнозис, 2006. 208 с.
16. Салимовский В. А. Рецензия на книгу: Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия «Гуманитарные науки (филология)». 2004. № 1 (38). С. 94-96.
17. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

**Информация об авторах | Author information**

**RU** Кудзоева Анжела Федоровна<sup>1</sup>, к. филол. н., доц.  
<sup>1</sup> Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ

**EN** Kudzoeva Anjela Fedorovna<sup>1</sup>, PhD  
<sup>1</sup> North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov, Vladikavkaz

<sup>1</sup> [andjik@inbox.ru](mailto:andjik@inbox.ru)

**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 27.06.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

**Ключевые слова (keywords):** индивидуальный стиль; фразеологические единицы; коммуникативные и прагматические функции; авторские интенции; языковая картина мира; individual style; phraseological units; communicative and pragmatic functions; author's intentions; linguistic worldview.